

К ЕЖЕГОДНЫМ ЧАЯНОВСКИМ ЧТЕНИЯМ

О.В. Тарханов СУЩНОСТЬ КООПЕРАЦИИ, ПО А.В. ЧАЯНОВУ, И СОВРЕМЕННОСТЬ

Нет ничего сильнее знания,
оно всегда и во всем пересиливает
и удовольствия, и все прочее.
Сократ

Опираясь на эти слова, предположим, что результатом научных исследований А.В. Чаянова в области сельскохозяйственной экономики может быть некое знание, вписывающееся в понятие «экономическая теория», либо результат этих исследований не является знанием как синонимом части или собственно экономической теорией. При этом будем иметь в виду, что под теорией любой сферы знания понимается «учение, являющееся обобщением практики, опыта, вырабатывающее общие научные принципы для объяснения явлений, факторов и воздействия на них в интересах общества. ...Непротиворечивость, совместимость, свойство дедуктивной теории (или системы аксиом, посредством которых теория задается), состоящее в том, что из нее нельзя вывести противоречие...» [1].

Из этого общепринятого определения следует, что теория — это не только учет практики, но и способность предвидеть развитие изучаемой сущности (например, аграрной экономики) и воздействовать на сущность в интересах общества. Как видим, здесь нет политических пристрастий.

Известно, что наиболее крупными экономистами-теоретиками, чьи исследования затрагивали прежде всего аграрное производство и интересы всего общества, были У. Петти, А. Смит, Ф. Кене, Д. Рикардо, Т.Р. Мальтус, К. Маркс и А. Маршалл. Наиболее полно аграрную сферу исследовал Маркс, что отражено в третьем томе «Капитала» [2]. Именно у Маркса мы находим наряду с ответами постановку новых вопросов. Среди них главными были вопросы о сути механизма созидания потребительной и меновой стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве, и т.н. абсолютной ренте. Без ответов на них нельзя было построить ни общей экономической теории (не решался вопрос об эквивалентном обмене между промышленностью и сельским хозяйством), ни теории аграрного производства (без понимания природы абсолютной ренты и экономической сути аграрного продукта аграрная теория повисает в воздухе). К сожалению, ни на один из этих вопросов в XX в. не было получено ответов. Следовательно, ни полной экономической теории, ни теории аграрного производства нет до сегодняшнего дня [3, 4].

Исследования А.В. Чаянова относились к сфере сельскохозяйственного производства. Они касались организационных форм аграрного производства, которые так или иначе в период с 1913 г. по настоящее время не могли не воздействовать на видение ученых и руководства страны относительно пути развития сельскохозяйственного производства. Одновременно А.В. Чаянов был крупным организатором кооперативного движения.

В 1906 г. А.В. Чаянов поступил в Московский сельскохозяйственный институт (Петровская сельскохозяйственная академия). Во время каникул в 1908 г. он посетил Италию, а в 1909 г. Бельгию, где познакомился с местным сельскохозяйственным производством. В 1911 г. закончил институт и защитил дипломную работу на тему «Южная граница распространения трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России» (руководитель профессор А.Ф. Фортунатов, рецензент профессор Д.Н. Прянишников. ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 6657. Л. 11).

А.В. Чаянов был оставлен на кафедре сельскохозяйственной экономики для преподавательской работы. В 1912 г. он был направлен в Западную Европу на годичную стажировку, которой руководили профессор В.О. Борткевич в Берлине и профессор Д. Золл в Париже. Стажировку А.В. Чаянов завершает трудом «Очерки теории трудового хозяйства». Специалисты полагают, что именно этот труд стал важным вкладом в русскую экономическую мысль нового организационно-производственного направления. С 1913 г. А.В. Чаянов получил должность доцента кафедры организации сельского хозяйства. В 1918 г. он занял должность профессора кафедры организации сельского хозяйства.

В 1915 г. Чаянов вместе с А.А. Рыбниковым, С.Л. Масловым, В.И. Анисимовым создает Центральное товарищество льноводов (ЦТЛ), которое успешно функционировало на внутреннем и внешнем рынках. ЦТЛ был ничем иным, как кооперативом по организации скупки у крестьянских семейных хозяйств льна и его продажи на внутреннем и внешнем рынках (закупочно-торгово-сбытовой кооператив). Поскольку кооператив был центральным, то вся прибыль (разница между закупочной ценой на лен у крестьян и ценой продаж на внутреннем и внешнем рынках) поступала в виде дохода в распоряжение правления ЦТЛ. Центральное товарищество льноводов было посредником между крестьянскими хозяйствами и производителями товаров из льна.

Поскольку в последующем продукцию из льна приобретало большей частью все то же крестьянство (одежду, мешки, веревки и канаты), то получалось, что крестьянство дважды участвовало в передаче части абсолютной земельной ренты отечественным кооператорам. Очевидно, что ЦТЛ никакого производственного участия в росте продуктивности льноводческих хозяйств не принимало и принимать не могло. Следовательно, доход членов правления ЦТЛ (в том числе доцента А.В. Чаянова) если и отличался от природы дохода промышленного предпринимателя, то не в лучшую сторону. В целом подобные кооперативы, не отвечая за средства производства и само производство потребительных стоимостей, являли собой полуростовщические организации, доход которых составляла присвоенная абсолютная рента, создаваемая внутри мелкокрестьянского производства (льна, мяса, масла, молока, овощей и фруктов и пр.). Отсюда интересы создателей такой кооперации (вертикальной, по терминологии экономистов-кооператоров) напрямую были связаны с существованием семейных частных хозяйств, которые, будучи разделенными де-факто и де-юре, никак не могли противостоять центральным кооперативам по защите своих прав на произведенную потребительскую стоимость. Это обстоятельство, но уже с

позиции экономистов-кооператоров, не могло не повлиять на исследования теоретиков и практиков организационно-производственного направления сельскохозяйственного производства.

Параллельно с организацией ЦТЛ А.В. Чаянов, как лектор народного университета им. Шанявского, вместе с другими преподавателями в течение 1915-1916 гг. организовал кооперативный отдел университета им. А. Л. Шанявского, а также Всероссийский центральный кооперативный комитет, оформившийся в 1917 г. во Всероссийский Совет кооперативных съездов, который, будучи высшим органом кооперации, в 1917 г. выдвинул кооперацию как самостоятельную общественную организацию на политическое поприще. А.В. Чаянов был избран членом Всероссийского Совета кооперативных съездов. Этот Совет выдвинул Чаянова в качестве представителя от кооперации в учреждения Временного правительства (Государственный комитет по народному образованию, Предпарламент) и общественные организации (Лига аграрных реформ и др.). В сентябре 1917 г. профессор А.В. Чаянов, как выдвигенец кооперативного движения, стал товарищем (заместителем) министра земледелия в последнем составе Временного правительства. Одновременно кооперативное движение, будучи самостоятельной политической силой с собственной платформой, было выдвинуто для участия в выборах в Учредительное собрание России.

С этого момента кооперативное движение страны стало политической партией, а организаторы кооперативного движения — ее руководящими членами. Соответственно, теоретические изыскания руководителей партии, поддерживаемые собраниями членов кооперативов и выдвигаемые в качестве основы политической платформы кооперативного движения, легли в основу партийной идеологии этого движения. Поскольку кооперативное движение целиком и полностью опиралось на семейно-крестьянские хозяйства, то не отстаивать данную форму организации производства оно не могло. Вместе с тем любое движение становится политической партией (общественной силой), когда оно выдвигает политические требования и претендует на политическую власть в качестве политической силы с самостоятельными требованиями. Подобные устремления кооперативного движения обозначились в сентябре 1917 г. С этого времени движение вертикально-организационной кооперации стало политической партией. Электоратом партии были мелкие хозяйства (по А.В.Чаянову, шесть типов хозяйств: капиталистические, полутрудовые, зажиточные семейно-трудовые хозяйства, бедняцкие семейно-трудовые, полупролетарские, пролетарские). Одним из руководителей политической партии (движения) был бесспорный лидер кооператоров профессор А.В. Чаянов.

Что касается исследований Чаянова, то они были направлены не на выявление сущности аграрного производства и связанных с ним экономических категорий (стоимости, ренты, процента на капитал, себестоимости, рентабельности), а на изучение организационных форм аграрного производства, сложившихся в России с конца XIX в. до первой четверти XX в.

Вот как оцениваются результаты его работ современные исследователи его творчества.

Одним из главных сторонников использования работ А.В. Чаянова для возрождения сельского хозяйства сначала в СССР, а позднее и в России был последний президент ВАСХНИЛ академик А.А. Никонов [5].

Обращение академика А.А. Никонова к творчеству А.В. Чаянова не было случайным. К 1987 г. в СССР стал наблюдаться очевидный кризис сельского хозяйства, сопровождавшийся сокращением валовой продуктивности в животноводстве и общей рентабельности на фоне продолжающегося роста инвестиций. Столь очевидные отрицательные результаты работы коллективных хозяйств (горизонтальная кооперация) и совхозов (государственные предприятия с наемными работниками) заставили Никонова обратиться к трудам Чаянова, отрицавшего возможность устойчивой работы колхозов. Он призывал использовать результаты исследований А.В. Чаянова в сельском хозяйстве.

В свое время Никонов обосновал преимущества коллективных форм сельскохозяйственных предприятий. В 1962 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР». В 1973 г. за работу «Экономические основы системы сельского хозяйства (на примере Ставропольского края)» ему была присуждена ученая степень доктора экономических наук. Обе работы никак не перекликаются с научными изысканиями А.В. Чаянова в области семейных трудовых хозяйств.

Позднее весьма обстоятельное исследование основных положений А.В. Чаянова на фоне возможных путей развития российского сельского хозяйства предпринял профессор Ю.П. Бокарев в работе «Миф об упущенной альтернативе» [6].

Автор обращает внимание на теоретические разногласия между марксистами и народниками о путях построения социализма в России. Согласно теории К. Маркса, переход к социализму мог осуществляться только после становления капиталистических форм хозяйствования. Россия, будучи крестьянской страной, не могла перейти к социализму без капиталистического этапа в сельском хозяйстве. Именно такой путь развития к началу XIX в. прошло сельское хозяйство Европы, где основной формой производства было хозяйство с наемными работниками. В России к моменту создания теории Маркса доминировало общинное земледелие. Из этого следовал вывод о невозможности перехода нашей страны к социализму до перерождения общинного сельского хозяйства в капиталистическое, например, в кулацкое с наемным трудом. Народники (немарксисты) полагали, что переход России к социализму возможен и при общинном земледелии. В. Засулич в письме к Марксу писала «что если его теория запрещает переход к социализму через общину, тогда социалисту как таковому остается лишь заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить, через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития,

как в Западной Европе». Маркс ответил: «Община является точкой опоры социального возрождения России» [7, С. 240, 242].

Однако, как пишет Бокарев, этот спор (дискуссия) с особой силой разгорелся в 1877 г. на страницах журналов «Вестник Европы» и «Отечественные записки». Бокарев пишет, что Маркс в письме в редакцию «Отечественных записок» дал резкую отповедь тем, кто считал, что марксизм определил общемировую схему исторического развития, кому, как писал Маркс, «непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются». Маркс поддержал народников, заявив, что «если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [7. С. 242].

Далее Ю.П. Бокарев дает обоснования тому, что семейно-трудовые хозяйства вполне вписываются в марксизм. Автор отмечает, что все недостатки семейно-трудовой теории неразрывно связаны с ошибками марксизма: «Семейно-трудовая теория основывается на трудовой теории стоимости К. Маркса (ошибочной в своей основе) и направлена на изучение таких условий хозяйствования, которые не допускали бы эксплуатации человека человеком, перерождения семейного крестьянского хозяйства в капиталистическое предприятие».

Убедительным представляется мнение Ю.П. Бокарева о том, что «семейно-трудовой теорией не отрицалась необходимость всеобщей коллективизации».

Действительно, прямого отрицания необходимости коллективизации в работах А.В. Чаянова нет. Однако «неотрицание необходимости всеобщей коллективизации» не может быть эквивалентом «неотрицания целесообразности коллективизации». То, что семейно-трудовое производство является более рациональным в сравнении с горизонтальной кооперацией (т.е. с коллективизацией), у А.В. Чаянова изложено вполне ясно. Правда, возникает вопрос о соответствии этого обоснования А.В. Чаянова реальному положению дел. Ю.П. Бокарев пишет: «Я с 1970-х годов изучаю труды А.В. Чаянова и других представителей организационно-производственной школы и не знаю ни одной их работы, где бы утверждалось, что небольшое семейно-трудовое производство эффективнее обобщественного».

Между тем сложно согласиться с выводом Ю.П. Бокарева о том, что «коллективизация была логическим завершением идеи кооперации, которой ... А.В. Чаянов посвятил множество работ». Единственным доказательством того, что взгляды на семейное трудовое хозяйство и колхозы у А.В. Чаянова претерпели эволюционное развитие, могло бы стать приводимое Бокаревым утверждение: «К моменту ареста А.В. Чаянов завершил работу над большой монографией «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия». Рукопись ее сохранилась, но она едва ли в обозримом времени увидит свет. Иначе от мифа о стороннике семейно-

трудового хозяйства не останется и следа. А.В. Чаянов не просто поддержал коллективизацию, но принял в ней активное участие».

При наличии данного труда, в котором А.В. Чаянов привел бы обоснование меньшей эффективности семейно-трудовых хозяйств по сравнению с коллективными, возникает множество версий по поводу двух арестов и последующего финала. Первая версия: А.В. Чаянов первый раз был арестован по ошибке. Это доказывается наличием новой монографии, в которой прослеживалась эволюция взглядов. Но противникам Сталина (например, Бухарину) поддержка профессором курса на коллективизацию не казалась безоблачной, и они могли дискредитировать А.В. Чаянова, выторговывая политические выгоды. Противники Сталина могли способствовать аресту А.В. Чаянова и следить за его творчеством (известно, что Чаянову было разрешено свободно писать на любые темы). Он подготовил работу по истории западноевропейской гравюры и экономическое исследование «Внутрихозяйственный транспорт. Материалы к пятилетке 1933-1937 гг.». В результате расширение исследовательских интересов, не имеющих никакого отношения к коллективизации. Далее следуют высылка, новый арест и расстрел по сфабрикованному делу.

Вторая версия: А.В. Чаянов, как последовательный исследователь, настаивал на преимуществах семейно-трудового хозяйства и не отрицал своей принадлежности к политическому движению, борющемуся с коллективизацией как с преждевременным политическим курсом, губительным для России и для революции. В неопубликованной работе «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия» Чаянов настаивал на своих взглядах (тогда становится понятно, что этот труд просто мешал курсу на коллективизацию и косвенно объяснял многочисленные выступления крестьян против коллективизации). В дальнейшем Чаянова судили как активного борца с коллективизацией и идеологического защитника семейно-трудовых хозяйств, объединяющих нежелающих вступать в колхозы. Вполне очевидно, что здесь А.В. Чаянов проходил как единомышленник Н.И. Бухарина — политического противника Сталина в деле коллективизации и индустриализации страны. Но, повторяю, это лишь версии.

В статье «Аграрные трансформации в исследованиях А.В. Чаянова» другой исследователь, А.М. Никулин, пишет: «Его имя на долгие десятилетия оказалось забытым. Чаянов был заново открыт и переосмыслен на Западе в 1960-е годы, когда обнаружилось, что сельские регионы стран третьего мира обладают собственной логикой экономического развития, логикой, которая была разработана и предсказана в трудах русского аграрника. С перестройкой в СССР имя Чаянова и его коллег было реабилитировано» [8, 9. С. 111].

В этой констатации выделим два важных момента. Первый связан с тем, что открыли А.В. Чаянова не в третьих странах, а на Западе, с его классическим капиталистическим хозяйством. Второй момент: реабилитация А.В. Чаянова началась не в период перестройки, а раньше, в момент «оттепели», в 1960-е гг. Так, известно, что А.В. Чаянов был посмертно реабилитирован в 1956 г. по обвинению 1930 г. Но лишь в 1987 г. принято постановление Военной

комиссии Верховного Суда СССР о полной реабилитации А.В. Чаянова. При этом реабилитация Чаянова по первому обвинению произошла в период, когда А.И. Солженицын при Н.С. Хрущеве имел доступ к информации о репрессиях 1930-х гг. Именно в выступлениях А.И. Солженицына прозвучало: «Следственный аппарат ГПУ работал безотказно: уже тысячи обвиняемых полностью согласились в принадлежности к ТКП и в своих преступных целях. А всего было обещано членов — 200 тысяч. Во главе партии значились экономист-аграрник А.В. Чаянов, будущий премьер-министр Н.Д. Кондратьев; Л.Н. Юровский; Макаров; Алексей Дояренко, профессор из Тимирязевки, будущий министр сельского хозяйства ... И вдруг в одну прекрасную ночь Сталин передумал – почему, мы этого, может быть, никогда не узнаем. Захотел он душеньку отмаливать? — Так рано... А вот что скорей: прикинул он, что скоро вся деревня и так будет от голода вымирать, и не 200 тысяч, так нечего и трудиться. И вот была отменена вся ТКП» [10]. Именно из этого выступления А.И. Солженицына, который никак не мог знать детальных подробностей о деле ТКП, следует, когда и с чьей подачи произошло открытие А.В. Чаянова в 1960-е гг.

Далее А.М. Никулин пишет: «Кооперация — любимое детище теории организационно-производственной школы Чаянова. В многочисленных статьях и книгах Чаянова по проблеме кооперации прослеживаются две главные темы исследования: 1) анализ и расширение понятия кооперации как социально-экономического явления; 2) доказательство того, что в сельском хозяйстве между крестьянскими семьями принципы кооперации достигают наивысшего развития» [8, 9. С. 113].

Характеризуя основные выводы А.В. Чаянова, Никулин отмечает: «Чаянов доказывал, что именно мотивация (интересы) семейного предприятия, тем более в сельском хозяйстве, являются источником наиболее прочного и гибкого, обширного и глубокого воплощения всеобщего народнохозяйственного идеала, достижение гармонии между экономической эффективностью и социальной справедливостью» [8, 9. С. 113].

Вслед за этим автор указывает: «Особая форма кооперативного предприятия — «интегральная земледельческая артель» — колхоз. Чаянов полагал, что в данной форме принципы кооперативного сотрудничества сконцентрированы сверх рационального оптимума, определяемого рыночной конъюнктурой. Для успешной работы данной формы необходимы или высокий религиозный, идейный устой (стимул, мотив) членов артели, или авторитарное, мудрое руководство ее руководителя. Кроме того, слабым звеном системы является противоречие между жестко заданной численностью работников и эластичностью конъюнктуры рынка.

На народнохозяйственном уровне объединение кооперативных предприятий в единую систему является важнейшим залогом самостоятельности крестьянской кооперации. Чаянов обосновал систему организационного объединения всех форм кооперативных предприятий» [8, 9. С. 114].

Итак, А.М. Никулин считает, что колхоз, по А.В. Чаянову, уступает иным видам кооперации крестьянских хозяйств. Вместе с тем Никулин, характеризуя суждения А.В. Чаянова в отношении кооперации крестьянских хозяйств и совхозов, реализующих государственный коллективизм, приходит к выводу, что «система государственного коллективизма характеризуется Чаяновым следующими основными признаками:

- 1) уничтожением категорий капитализма (капитала, процента на капитал, зарплаты, ренты);
- 2) единым огромным хозяйством всего народа;
- 3) данное хозяйство выполняет планы государственных органов, определяющих структуру, пропорции, темпы и цели развития экономики.

Главное отличие данной системы, по Чаянову, заключается не просто в отсутствии рыночных отношений, но в неспособности «существовать чисто автоматически, элементарно». Для этого строя требуются:

- непрерывные общественные усилия;
- всеобщие государственные меры экономического и внеэкономического принуждения» [8, 9. С. 114].

Из приведенных суждений следует, что А.В. Чаянов относил ренту и дифференциальную ренту, в частности, к категориям капитализма. Однако данные виды ренты как раз характеризуют особенности земледелия, а не капитализма. В земледелии рента становится следствием не только усилий земледельца (трудовая теория стоимости) или условием арендодателя (плата за аренду земли). Рента выступает следствием, имманентным механизму созидания земледельческого продукта, неразгаданному во времена А.В. Чаянова [11].

Никулин приходит к выводу о том, что «план совхозного Чаянова, безусловно, отрицает Чаянова кооперативного. Разве не утверждал Чаянов-кооператор, что искусство сельского хозяина есть умение учитывать частности, своеобразие, неповторимость данного участка природы и взаимодействующего с ней человека. Именно исходя из этой уникальности, разрабатывался крестьянский организационный план, подбирались средства производства. В совхозном же плане упор сделан на полную унификацию и стандартизацию» [8, 9. С. 115].

В другой статье, «Чаяновская версия коллективизации», А.М. Никулин представил свое видение теоретических положений А.В. Чаянова: «Главное отличие данной системы (государственный коллективизм) от остальных, по Чаянову, заключается не просто в отсутствии рыночных отношений, а в неспособности «существовать чисто автоматически, элементарно», для этого строя требуются непрерывные общественные усилия и государственные меры экономического и внеэкономического принуждения» [12].

Как видим, Ю.П. Бокарев и А.М. Никулин по-разному трактуют главные результаты трудов А.В. Чаянова. Первый считает, что с учетом неопубликованного труда «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия» Чаянова нельзя относить к противникам колхозной кооперации. Второй полагает, что у Чаянова имеются

разные оценки трех видов хозяйств. Причем он отдает предпочтение крестьянско-семейному хозяйству, а значит, вертикальной кооперации.

В качестве исходного материала остановимся на главном труде А.В. Чаянова «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» [12].

Прежде всего Чаянов обращает внимание читателей на сложную ситуацию в советской деревне, сложившуюся к 1927 г.: «По всем вероятностям, очень многие из читателей настоящей книги — агрономы, инженеры, педагоги, работники деревенской общественности — не раз опускали руки перед теми препятствиями, которые ставила их деятельности жизнь современной русской деревни» [12. С. 247]. Источником пессимизма, по мнению Чаянова, является явное отставание сельскохозяйственного производства от индустриальной экономики. «Машиностроительные заводы Форда, «Волховстрой» и другие гигантские гидроэлектрические установки, морские транспортные линии, обслуживаемые десятками сверхмощных трансатлантиков, банковские концерны, объединяющие в экономический ударный кулак миллиарды рублей капитала, — вот те экономические факты, которые покоряют и увлекают мысль современного хозяйственного деятеля.

Немудрено поэтому, что многие из наших особенно молодых товарищей, сознание которых еще полно образов крупных организационных задач и достижений современной индустриальной экономики, а руки чешутся проделать что-либо подобное в своей губернии, нередко приходят после нескольких месяцев работы в полное уныние и бывают близки к отчаянию, трясясь ноябрьским дождливым вечером на крестьянской телеге по непролазным дорогам от какого-нибудь Знаменского через Бузаево к какому-нибудь Успенскому, всюду встречая бездорожье, бедность и безразличие крестьян, сидящих на небольших чересполосных наделах и с исключительно чисто мелкобуржуазной тупостью замыкающихся в свои карликовые ячейки» [12. С. 247].

Вот эта самая «карликовая ячейка» обозначает здесь не что иное, как семейно-трудовое хозяйство, расположенное на небольшом по размеру земельном участке. Объясняя отсталость российского сельского хозяйства, Чаянов пишет: «Конечно, остается совершенно очевидным, что хозяйственная жизнь крестьянских стран — Китая, Индии, Советского Союза и многих других стран Восточной Европы и Азии — не дает нам столь наглядных и очевидных достижений новых организационных идей, которые мы легко усматриваем в промышленных странах Запада» [12. С. 248].

Свою мысль А.В. Чаянов не подтверждает данными по сопоставлению западного сельского хозяйства с российским. Однако ему верят, ибо его читатели — прежде всего многочисленные соратники по кооперативному движению и все работники государственных органов по управлению сельским хозяйством. Они знают, что А.В. Чаянов, еще будучи студентом, в 1908-1909 гг. непосредственно знакомился с сельским хозяйством ряда стран. В 1912 г. уже после окончания института он был направлен на годичную стажировку, которую проходил под руководством виднейших ученых в Берлине и Париже. Там он написал «Очерки теории трудового хозяйства». Свое исследование западноевропейского сельского

хозяйства Чайанов продолжил весной 1922 г., когда был направлен в командировку в Европу вместе со своей второй супругой О.Э. Гуревич.

Пробыл он там полтора года. Итог командировки — участие в подготовке к публикации изданий серии «Положение мирового сельского хозяйства и торговля сельскохозяйственными продуктами после войны», которую задумал профессор М. Зеринг (Германия). Следовательно, Чайанов мог лично убедиться в превосходстве рыночного сельского хозяйства над сельским хозяйством Советской России, представленным мелкобуржуазными семейно-трудовыми и кулацкими хозяйствами с обнищавшим населением деревень.

Своих соотечественников А.В. Чайанов успокаивает тем, что «всякое хозяйственное явление всегда следует рассматривать эволюционно и по возможности более глубоко.

И вот, если так подойти к сельскому хозяйству крестьянских стран, то для многих совершенно неожиданно окажется, что сельское хозяйство не только не безнадежно в смысле применения к нему самых широких организационных замыслов, но что именно в нем-то в современную нам эпоху весьма интенсивно протекают процессы, делающие именно его предметом необычайно широкого организационного размаха, не уступающего самым крупнейшим начинаниям индустрии» [12. С. 248].

Далее он ставит конкретную цель. «Задачей нашей книги как раз и является показать те пути развития нашей деревни и те формы ее организации, благодаря которым сейчас на наших глазах внешне малозаметно, а на деле в самом корне перестраиваются ее организационные устои, и деревня, еще 10-20 лет назад представлявшая собою распыленную стихию полунатуральных мизерных хозяйств, готовится сделаться объектом самых широких по размаху организационных начинаний и базой для крупнейших хозяйственных предприятий» [1. С. 248].

В этом выражении чувствуется грандиозность поставленной задачи, особенность которой подчеркивается тем, что «несомненно, конечно, то, что в сельском хозяйстве так же, как и в промышленности, крупные формы хозяйства давали значительные преимущества и снижали издержки производства. Однако в сельском хозяйстве эти преимущества не могли получить столь большого количественного выражения, которое они имели в промышленности.

Причина этого лежала в технических условиях сельскохозяйственного производства. В самом деле, главной формой укрупнения и концентрации производства в промышленности была так называемая горизонтальная концентрация, т.е. та форма концентрации, при которой множество мельчайших разбросанных в пространстве предприятий сливались не только экономически, но и технически в одно сверхкрупное целое, которое концентрировало огромные массы рабочей и механической энергии на небольшом пространстве и получало от этого колоссальное удешевление стоимости производства. В сельском хозяйстве провести в такой мере горизонтальную концентрацию было немыслимо» [12. С. 249].

Нетрудно убедиться в том, что А.В. Чайанов вроде бы признает преимущества крупных форм хозяйствования перед мелкими и прямо указывает на причину. В крупных хозяйствах, в том числе в сельском хозяйстве, снижаются издержки производства. Однако он не приводит конкретных примеров. Наоборот, далее идет неожиданное утверждение, что крупное сельское хозяйство нельзя получить путем слияния мелких, так как в сельском хозяйстве нельзя провести горизонтальную

концентрацию. Вполне ясно, что в этом утверждении нет связи с исследованием эволюционных процессов, в русле которых следовало бы проследить развитие мирового сельского хозяйства. Напротив, в этом утверждении налицо связь мышления ученого образца 1927 г., остановившегося на этапе «Очерков теории трудового хозяйства», написанного студентом А.В. Чаяновым в 1909 г. под руководством В.О. Борткевича и Д. Золла. Однако методика научного мышления предопределяет обоснование любому утверждению. Это обоснование А.В. Чаянов дает далее: «Что представляет собою сельское хозяйство? В своей основе это использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли. Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать в одну. Он может улавливать их зеленым хлорофиллом своих посевов только на всем пространстве их падения. В самой своей сущности сельское хозяйство неотъемлемо связано с пространством, и чем крупнее технически сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя провести» [12. С. 249].

В этом утверждении истинно то, что растения улавливают распределенную по площади земли солнечную энергию; что солнечные лучи, падающие на 100 десятин, сконцентрировать на одной десятине в 1927 г. было невозможно. Мало того, такое собирание лучей бессмысленно, ибо собранные со 100 десятин на одну солнечные лучи мгновенно спалили бы посевы. Однако это не снимает вопрос о том, почему данный довод является обоснованием для невозможности горизонтальной концентрации семейно-трудовых хозяйств (в колхозах) и одновременно для отрицания создания (по А.В.Чаянову) совхозов на полях в 100 тыс. га, хотя на полях совхозов также нельзя провести концентрацию солнечных лучей [13]. Ответ пока один: А.В. Чаянов при написании труда по кооперации над совхозами не думал, когда же писал труды по совхозам, то не использовал довод о невозможности горизонтальной кооперации.

Далее А.В. Чаянов приводит пример невозможности горизонтальной кооперации в сельском хозяйстве по отношению к промышленности. От «солнечного» довода он переходит к мощности основных средств. «Приведу небольшой пример. Фабрикант, имеющий двигатель в 100 лошадиных сил и желающий в 10 раз увеличить свое производство, может установить двигатель в 1000 лошадиных сил и тем значительно удешевит себестоимость работы.

Сельский хозяин, обрабатывая свою запашку одной лошадью, желает увеличить свои посевы в 10 раз. Он не может, конечно, завести себе лошадь, в десять раз более крупную по своим размерам, но принужден заводить 10 лошадей, таких же по качеству, как и первая. Некоторое удешевление работы будет достигнуто при переходе с лошадиной тяги на тракторную. Но хозяин, уже имеющий один трактор, при 10-кратном увеличении посева не может увеличить мощность трактора, он должен заводить десять таких же машин, работающих одновременно в разных пространствах, благодаря чему себестоимость работы уменьшится значительно. То же самое можно сказать относительно другого инвентаря: семян, удобрения, скота и прочего.

Сельский хозяин, увеличивая свое производство, в большинстве случаев должен умножать число предметов, а не увеличивать их размеры. Благодаря этому количественное выражение выгоды укрупнения не может быть особенно значительным» [12. С. 250].

На наш взгляд, в данном выражении сразу два противоречивых утверждения.

Первое из них заключается в том, что фабрикант может установить вместо двигателя в 100 лошадиных сил двигатель в 1000 лошадиных сил, а сельский хозяин не может увеличить мощность 10-сильного трактора и должен почему-то приобретать 10. Вероятно, А.В. Чаянов в Западной Европе видел двигатели в 1000 лошадиных сил, но не видел тракторов в 100 лошадиных сил. Вполне понятно, что это суждение носит сугубо субъективный характер.

Действительно, с развитием тракторостроения создание трактора в 100 л.с. ничуть не сложнее создания 1000-сильного двигателя. Более того, создание трактора в 100 л.с. как раз сдерживалось инертностью и многочисленностью крестьянских семей. Попытка увеличения горизонтальной кооперации в земледелии даже при наличии одного трактора в 100 л.с. за счет 10 семей (40 человек) могла закончиться весьма плачевно для инициатора такой горизонтальной кооперации. Следовательно, причиной ограничения горизонтальной кооперации является не оптимальная удельная производительность семейно-трудового хозяйства, а вполне прогнозируемый рост социальной напряженности. Именно этот прогнозируемый рост сопровождался во все эпохи многочисленными крестьянскими восстаниями.

Другой причиной ограничения горизонтальной кооперации при капиталистическом хозяйстве оставалась низкая платежеспособность мелких хозяйств, не позволявшая развивать крупное тракторостроение и иное машиностроение. Именно поэтому и за рубежом, и в России общинное земледелие проходило путь развития через семейно-трудовые хозяйства с их последующей заменой на кулацкие. Это позволяло сдерживать волнения разоряющихся крестьян через направление вектора напряженности в самую крестьянскую среду. Запаздывание перехода России к крупному кулацкому хозяйству объяснялось примитивным отставанием развития капитализма в России от развития Запада, а вовсе не большей производительностью семейно-трудового хозяйства по сравнению с крупным.

Второе противоречие выявляется в сравнении конца первого абзаца «благодаря чему себестоимость работы уменьшится значительно» с концом второго абзаца «выражение выгоды укрупнения не может быть особенно значительным».

Приведенным обоснованием невозможности горизонтальной кооперации А.В. Чаянов не ограничивается. Он пишет о росте транспортных издержек при увеличении площади хозяйства и затрат при интенсификации производства. «Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглощается удорожанием внутрихозяйственного транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее наступает это поглощение. Наши оренбургские и самарские советские хозяйства часто ведутся из одной усадьбы на площади в 2-3 тысячи десятин. В Воронежской губернии при переходе к парозерновым системам размер оптимальной эксплуатационной единицы падает до 800 десятин. В Полтавской губернии такое укрупнение уже было бы невозможным. В губернии Киевской и культурных странах Западной Европы издержки внутрихозяйственного транспорта еще более сужают площадь хозяйств, доводя их оптимальные размеры до 200-250 десятин.

Нередки случаи, когда в старое время при интенсификации хозяйства крупные владельцы бывали принуждены дробить свои поместья на ряд отдельных хозяйств-хуторов. Являясь крупными землевладельцами, они были мелкими или средними земледельцами» [12. С. 250, 251].

В этом выражении нет экономических выкладок по сравнению хозяйств в 3000 десятин с хозяйствами в 250 десятин. Поэтому весьма трудно выявить степень обоснованности последовавшего за этим вывода: «Таким образом, сама природа сельскохозяйственного предприятия ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим» [12. С.251].

Нетрудно убедиться в том, что вывод Чаянова весьма однозначен: в земледелии преимущество крупного хозяйства над мелким никогда не может быть особенно значительным. Однако, как уже было показано, ни одно из приведенных А.В. Чаяновым обоснований вряд ли можно рассматривать как достоверное и научно корректное. Наоборот, в них много субъективного, никак не связанного с сутью производственных процессов в земледелии. Мало того, в исследовании совхозов А.В. Чаянов опровергает свой вывод относительно крупных хозяйств, ибо весьма трудно согласиться с тем, что 100 тысяч десятин совхозов, за которые он ратует, меньше 250 десятин предприятий с возможной горизонтальной кооперацией. Именно это явное противоречие одного утверждения другому позволило А.М. Никулину прийти к выводу: «План совхозного Чаянова, безусловно, отрицает Чаянова кооперативного» [8. 9. С. 115].

Из представленного анализа обоснований следует, что основной постулат теоретических рассуждений А.В. Чаянова о естественных ограничениях горизонтальной кооперации остается недоказанным. Тем не менее Чаянов использует его для объяснения отставания в укрупнении сельхозпроизводства в сравнении с промышленным. «Благодаря меньшему в количественном отношении, чем в промышленности, превосходству крупного хозяйства над мелким крестьянские хозяйства не могли быть столь просто и решительно разгромлены крупными латифундиями, как аналогичные им ремесленные семейные хозяйства были разгромлены фабрикой» [12. С. 251]. С этим суждением также вряд ли можно согласиться.

Далее А.В. Чаянов констатирует: «Капитализм, не имевший возможности в силу изложенных нами технических условий организовать сельское хозяйство по принципам горизонтальной концентрации, неукошнительно изыскивал иные пути к овладению и капиталистической организации земледельческой стихии. Взамен малопригодных форм горизонтальной концентрации овладение пошло в формах концентрации вертикальной» [12. С. 251, 252].

И против этого положения можно привести два несоответствия действительности. Первое заключается в использовании тезиса «в силу изложенных нами технических условий организовать сельское хозяйство по принципам горизонтальной концентрации», которые, как показала история, не соответствуют объективной реальности. Капитализм упорно продвигался по пути горизонтальной кооперации и к настоящему времени достиг гигантских успехов на этом пути. Так, в США большая часть продукции сельского хозяйства и с более высокой рентабельностью создается именно в крупных капиталистических хозяйствах, имеющих в своем владении в целом меньшие земельные площади по сравнению со всеми мелкими хозяйствами [14].

Второе несоответствие заключается в утверждении, что капитализм искал иные пути кооперации, поскольку не имел возможности организовать горизонтальную концентрацию. На самом же деле капитализм всегда искал и

использовал любые виды концентрации по всем направлениям. Еще Дж.М. Кейнс в 1936 г. показал, что концентрация производства при капитализме не должна чем-либо ограничиваться. И она не ограничивалась. Это нашло свое воплощение в Третьем рейхе и современных транснациональных монополиях.

Последующие логические построения А.В. Чаянова идут в русле приведенных его рассуждений, но приобретает несколько иной оттенок. «И если эта деталь (горизонтальная концентрация . — *О.Т.*) не имеет места, то, очевидно, потому, что капиталистическая эксплуатация приносит большие проценты именно в форме вертикальной, а не горизонтальной концентрации, перекладывая к тому же риск предприятия в значительной доле с владельца на фермера» [12. С. 253].

И здесь хочется возразить автору. Что касается наибольших процентов от вложенного капитала в вертикальную кооперацию, то с этим суждением А.В. Чаянова нельзя не согласиться. Но именно это очевидное обстоятельство и приближает характер вертикальной кооперации, охватывающей мелких производителей, к полуростовщическим организациям. Однако наибольший процент от вложенного капитала при вертикальной кооперации не превосходит меньшего процента на большее количество вложенного капитала в горизонтальную кооперацию. Это объясняется как раз меньшим доходом для организатора вертикальной кооперацией семейно-трудовых хозяйств (часть тратится на поддержание жизненных потребностей многочисленных семей) по сравнению с доходом капиталиста при горизонтальной кооперации [14]. Другими словами, абсолютная земельная рента тем больше переходит к работодателю, чем меньше работников занято на одном и том же участке земли. Величина же абсолютной ренты не зависит от формы общественного строя. Ее величина всегда определялась лишь качеством земельных угодий. Это обстоятельство помогло России преодолеть тяжелые 1930-е гг., когда решалась задача индустриализации страны за счет перетока рабочих рук и абсолютной ренты. Рабочие руки и абсолютная рента высвобождались в результате горизонтальной кооперации мелких семейно-трудовых хозяйств, так как при такой кооперации они становились лишними (росла производительность труда), а абсолютная рента безболезненно могла быть направлена на индустриализацию, но вовсе не безвозмездно, как это представляется. Индустриализация за счет высвободившихся рук и ренты позволили перейти к тотальной механизации села через поставки ему тракторов, комбайнов, иных средств производства и орудий труда.

Далее А.В. Чаянов излагает свое видение сущности вертикальной кооперации. «Иногда эта вертикальная концентрация сообразно сложившейся народнохозяйственной обстановке принимает не капиталистические, а кооперативные или смешанные формы. В этом случае контроль над системой торговых, элеваторных, мелиорационных, кредитных и перерабатывающих сырье предприятий, концентрирующих и руководящих процессом сельскохозяйственного производства, частью или целиком принадлежит не держателям капитала, а организованным мелким товаропроизводителям, вложившим в предприятия свои капиталы или же сумевшим создать капиталы общественные» [12. С. 253].

Если суждение А.В. Чаянова об отсутствии значимых преимуществ горизонтальной концентрации (кооперации) является первым постулатом выстраиваемой им теории, то приводимое суждение о вариантах самой вертикальной концентрации, является вторым ее постулатом. Остановимся на нем.

Мы уже знаем, что применительно к капитализму А.В. Чаянов утверждал, что вертикальная концентрация приносит капиталу больше прибыли, чем горизонтальная. Посредством позиции: «иногда эта вертикальная концентрация сообразно сложившейся народнохозяйственной обстановке принимает не капиталистические, а кооперативные или смешанные формы» — читателю 1930-х гг. внушалась мысль о возможности при социализме некапиталистических или смешанных форм концентрации с участием семейных трудовых коллективов. Необходимо отделить зерна от плевел. Ведь под смешанной формой концентрации понимается участие в этой форме кооперации капитала (чьего-либо). Но капитал есть капитал, значит, смешанная форма концентрации в России в 1930-е гг. (построение социализма) предполагала существование при социализме капиталистических форм присвоения (процент на капитал). Такое положение дел не соответствует социализму. Поэтому мы должны сразу понять противоестественность этой формы в социалистической России, ибо нэп — временное отступление на пути к обществу без эксплуатации человека человеком.

Из этого следует, что от сложного механизма чаяновской вертикальной кооперации приемлемыми для социализма остаются лишь две формы — кооперация за счет капиталов мелких производителей и общественных капиталов. Для оценки возможностей мелких производителей мы должны опираться на сведения самого А.В. Чаянова. Подавляющее большинство семейно-трудовых хозяйств не имело свободных капиталов и в силу этого никак не могло выступать в качестве инвесторов вертикальной кооперации. Свободные капиталы были лишь в кулацких хозяйствах и хозяйствах с частичным наемным трудом. Но оба эти виды хозяйств были связаны с эксплуатацией человеческого труда. Следовательно, вертикальную кооперацию с участием капиталов этих хозяйств никак нельзя было отнести к некапиталистическим формам концентрации.

Остаются общественные капиталы. Такие капиталы могли быть собраны городскими жителями, включая профессоров сельскохозяйственных вузов, входящих с 1917 г. в кооперативное политическое движение России, либо такие капиталы могли быть взяты теми же группами граждан в банках, называемых народными, но по сути коммерческих. На вопрос: «Соответствовали ли такие капиталы и созданные с их участием вертикальные кооперации социализму?» положительный ответ может дать только кооператор.

Для экономиста вполне ясно, что такая вертикальная кооперация замученных непродуцительным трудом крестьян России была скрытой формой ростовщической эксплуатации крестьян со стороны интеллигенции, организовавшей политическую структуру в России в 1915 г. и проигравшей политическую борьбу при выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Этот проигрыш дал четкий ответ: семейно-трудовые хозяйства не поддержали своих вертикальных кооператоров.

Стало быть, А.В. Чаянов, возможно, вследствие экономической переоценки вертикальной кооперации выступил сторонником такой формы кооперации, которая, с одной стороны, придавала через эту кооперацию организованный характер кулацкому сопротивлению советской власти, а с другой стороны,

выводила кооперативное движение на арену политической борьбы. Хотя на арене политической борьбы как раз было тесно от избытка уже сформировавшихся с различными уклонами партий большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов и иных движений.

В силу изложенного можно утверждать, что второй постулат научных изысканий А.В. Чаянова относительно вертикальной кооперации также не является строго научно обоснованным и содержит массу противоречий социально-экономического характера.

Завершая эту часть своих исследований, А.В. Чаянов пишет: «Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять сущность земледельческой кооперации как глубокого процесса вертикальной концентрации сельского хозяйства. Причем необходимо отметить, что в кооперативных формах процесс этот идет гораздо глубже, чем в формах капиталистических, так как кооперативным формам концентрации крестьянин сам передает такие отрасли своего хозяйства, которые капитализму никогда не удастся оторвать от крестьянских хозяйств в процессе борьбы» [12. С. 254].

С этим суждением нельзя согласиться по нескольким основаниям.

Во-первых, сущность земледельческой кооперации не сводится к вертикальной концентрации. Другое дело, что вертикальная кооперация имела место. Но ее значение явно переоценено А.В. Чаяновым.

Во-вторых, нет оснований согласиться с положением о том, что в «кооперативных формах этот процесс идет гораздо глубже, чем в формах капиталистических», что опровергается всем ходом исторического развития. Во всех странах капитализма вертикальная кооперация крестьянских хозяйств шла с преобладанием участия капитала. На сегодняшний день эта форма достигла своего логического совершенства. Крупный землевладелец отдает землю в аренду мелкими участками фермерским семьям-арендаторам. Однако никаких преимуществ перед горизонтальными формами концентрации такие формы арендно-вертикальной кооперации не имеют [14].

Далее А.В. Чаянов пишет: «Наблюдаемые теперь формы проявления этого процесса скромны и совсем не видны. Что в самом деле замечательного на вид в том, что крестьянка, отдоив свою корову, чисто моет свой бидон и относит в нем молоко в соседнюю деревню в молочное товарищество, или в том, что сычевский крестьянин-льновод свое волокно вывез не на базар, а в приемный пункт своего кооператива? А на самом деле эта крестьянка со своим ничтожным бидоном молока соединяется с двумя миллионами таких же крестьянок и крестьян и образует собою кооперативную систему Маслоцентра, являющуюся крупнейшей в мире молочной фирмой и уже заметно реорганизуемой ныне весь строй крестьянских хозяйств молочных районов. А сычевский льновод, обладающий уже достаточной кооперативной выдержкой, является частицей кооперативной системы Льноцентра, являющейся одним из крупнейших факторов, слагающих мировой рынок льна» [12. С. 255].

В этом по-юношески задорном и наивном описании крестьянки, отдоившей свою корову и в качестве отдыха отправившейся в соседнюю деревню для *соединения* своих усилий с усилиями двух миллионов других, опущен момент описания счастья этих крестьянок, шагающих в соседние деревни по бездорожью и в «приятное» время осени, зимы и ранней весны. Однако косвенно это «счастье» проявилось в 1917 г., когда крестьяне проигнорировали его и провалили претензии движения кооператоров при выборах в Учредительное собрание.

Дальнейшие теоретические изыскания А.В. Чаянова принципиально не затрагивают обоснований преимуществ вертикальной кооперации. Он лишь приводит суждение о перспективах вертикальной кооперации. «Дальнейшие же

перспективы несоизмеримо более грандиозны. Однако, принимая в отношении к сельскому хозяйству программу вертикальной концентрации в ее кооперативных формах, мы должны предвидеть значительную продолжительность этого процесса» [12. С. 256].

В чем грандиозность перспектив, понять практически невозможно. Однако некие намеки на сроки их достижения у А.В. Чаянова все-таки просматриваются. «Внимательно продумав все то глубочайшее значение, которое описанный нами процесс вертикальной концентрации в ее кооперативных формах имеет для сельского хозяйства, мы с полным убеждением можем считать, что появление земледельческой кооперации с народнохозяйственной точки зрения имеет не меньшее значение, чем то, которое имело столетием ранее появление промышленного капитализма» [12. С. 256].

В этом суждении в неявном виде указывается, а иных предсказаний сроков мы у А.В. Чаянова не находим, что ранее чем через 100 лет (от 1927 г.) ожидать грандиозных результатов от вертикальной кооперации не стоит. Косвенно это подтверждается наблюдением А.В. Чаянова за состоянием деревни — непролазными дорогами, отсутствием тракторов, крупной перерабатывающей промышленности и наличием безразличия «крестьян, сидящих на небольших чересполосных наделах и с исключительно чисто мелкобуржуазной тупостью замыкающихся в свои карликовые ячейки» [12. С. 248].

Рассуждая о значении кооперации, А.В. Чаянов пишет: «Однако мы должны отметить, что это значение и вообще сущность сельского кооперативного движения в настоящее время еще далеко не достаточно осознано даже самими творцами и участниками его. Впрочем, это является вполне понятным, так как почти во всех экономических движениях теория является значительно позднее практики.

Капитализм, имеющий более чем столетний возраст, был более или менее охвачен исследованием только в конце прошлого века, и многие наиболее сложные проблемы его до сих пор не закончены изучением. Земледельческая кооперация — настолько молодое и несформировавшееся еще движение, что мы не вправе даже и ожидать ее законченного теоретического анализа» [12. С. 256, 257].

Из этого вполне ясного рассуждения с учетом предыдущих замечаний следует, что Чаянов оставался лишь наблюдателем становившегося на ноги кооперативного движения. Он вполне отдавал себе отчет в том, что никакой теории кооперативного движения пока не может быть создано ввиду отсутствия практики развития форм отстаиваемой им вертикальной кооперации. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждениями исследователей, определяющих взгляды А.В. Чаянова на вертикальную кооперацию как экономическую теорию немарксистского пути развития сельского хозяйства. Сам А.В. Чаянов, по его признанию, так не считал.

Вспомним замечание о творчестве Кейнса выдающегося экономиста Й. Шумпетера, который писал, что для Кейнса «характерно упорное стремление переложить на язык экономической теории «новое видение» экономических процессов, адекватное новым реалиям» [15. Р. 268].

Точно так же А.В. Чаянов пытался переложить на язык экономической гипотезы то начало развития кооперации, эволюцию которой он связал с

будущим вертикальной концентрации (кооперации) аграрных мелких семейно-трудовых хозяйств, чье в России было положено при его непосредственном участии в 1915 г. Чаянов предстает в роли наблюдателя застывшей формы им самим организованного кооперативного механизма вертикальной кооперации. Творец этого движения на практике, он не мог смириться с тем, что его детище другие экономисты «приговаривают к смерти», препятствуя развитию любимого дитя. К тому же со всей определенностью надо сказать, что у исследователей в 1927 г. запаса времени в 100 лет просто не было. Может быть, коммунисты вместе с трезво мыслящими экономистами чисто интуитивно стали подталкивать горизонтальную кооперацию в деревне, совмещая ее с индустриализацией. И Чаянов смог принять в этом достойное участие, но осознать эфемерность своих двух постулатов он не смог. Представляется, что здесь сыграли роль многие факторы.

Во-первых, к 1927 г. А.В. Чаянов уже был профессором экономики, начавшим свои исследования семейно-трудового хозяйства еще в студенческие годы (1909 г.). Истории известны изменения экономических воззрений советскими экономистами (например, президентом ВАСХНИЛ академиком А.А. Никоновым). Чаянов же был экономистом мелкобуржуазным, происходящим из купеческой семьи. К тому же он проходил практику у западных экономистов, хорошо знавших постулаты марксизма и не видевших в них рационального зерна. Вероятно, поэтому вертикальную кооперацию, противоречащую духу марксизма и советской действительности, жестко раскритиковал Зиновьев [16]. Не поддержали А.В. Чаянова и такие ученые экономисты, как Л.Н. Литошенко, Б.Д. Бруцкус, И.В. Кузнецов и С.Г. Струмилин [17-19]. Однако А.В. Чаянов к этому времени был уже слишком очарован. Задолго до ареста в 1930 г. он пришел к твердому убеждению ошибочности марксистов о необходимости скорейшей горизонтальной кооперации. Как научный работник, он был уверен, что Россию надо охранить от ошибок советской власти. Это весьма четко прослеживается в его письме, написанном Е.Д. Кусковой в период его полугодовой командировки в Западную Европу. «Если мы еще мечтаем спасти Россию, то должны вмешаться. А как вмешаться и чем вмешаться, эту задачу разрешить трудно. В маленьком масштабе еще, пожалуй, можно разрешить. Под сим я подразумеваю публицистическую работу. Надо твердо и определенно разделять Россию и СССР. Надо измерять живые процессы в народном хозяйстве, содействие этим процессам интеллигенции, работающей с советской властью... Нужна объективность, при которой препятствие советской власти росту народного хозяйства выявится ярче, что мы и будем делать, доколе будем иметь возможность... Но все это маленький масштаб. Он не удовлетворяет и не приближает конца. Как делать в большом масштабе, сказать не умею. Вот что еще предо мною неясно мелькает. Поистине, я буду писать про интервенцию, но не военную, а экономическую. Мне представляется неизбежным в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция усилилась, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Вот если будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный банк может пригрозить и напугать. Это куда

страшнее Врангеля и всяких военных походов! Так нельзя ли нам также использовать эти экономические возможности, открывающиеся перед Западом? Нельзя ли к экономическим концессиям Запада присоединить наши политические концессии?.. К концессиям Западу для их получения выгодно получить политические гарантии, которые могут заключаться в том, что один за другим в состав советской власти могут входить не советские люди, но работающие с Советами. Как все это практически осуществить? Надо договориться самим, то есть всеми теми, кто понимает, что делать в России, кто способен принять новую Россию. Надо частное воздействие на западноевропейских политических деятелей, необходим с ними сговор...» [20].

В этом письме А.В. Чаянов предстает как истинный патриот России, готовый спасти ее от коммунистической горизонтальной кооперации любыми способами, по сути уверенный в ошибочности колхозной кооперации. Однако в этой борьбе за будущее мелкокрестьянской кооперации вертикального типа Чаянов выступил как не только ученый, но сторонник и участник политических действий.

Вместе с тем известно, что работы А.В. Чаянова, с которыми хорошо был знаком Ленин, не были положены им в основу кооперативного плана. Более того, известно весьма нелестное замечание Ленина в адрес ряда теоретиков преобразования в деревне. «Очевидно, что этот народнический рецепт — просто ребячество... Это все равно, что с ручной тачкой пытаться обогнать железнодорожный поезд...» [21].

Спасительное значение коллективизации и индустриализации для судеб советской России аргументированно изложено Ю.П. Бокаревым [22].

Практика последних 40 лет (в СССР и рыночной России) ведения сельского хозяйства убедительно показывает научную и практическую несостоятельность опоры на семейно-трудовые хозяйства [23].

Возврат же к идеям А.В. Чаянова произошел из-за недоработок экономической науки в деле выявления сути созидания аграрного продукта [24]. Однако для возрождения сельского хозяйства одной опоры на крупные хозяйства недостаточно. Необходимо перейти к технологическому реформированию сельского хозяйства через освоение технологий воспроизводства естественного плодородия почв и отказ от заблуждений наук, обслуживающих сельское хозяйство [25, 26].

Выводы

1. Взгляды А.В. Чаянова на вертикальную кооперацию семейно-трудовых хозяйств теорией, как и два важнейших чаяновских постулата о превосходстве вертикальной кооперации и развитии капиталистической кооперации по этому пути являются не только противоречивыми, но и ошибочными. Рыночные формы развития сельского хозяйства показали полное превосходство горизонтальной кооперации (укрупнение земельных угодий) над кооперированными вертикально мелкими фермерскими хозяйствами.

2. В СССР вертикальная кооперация могла существовать за счет либо кулацких средств (мелких капиталистических) хозяйств, либо средств, заимствованных из частных банков, что было возможно лишь во время нэпа.

3. Колхозное и совхозное кооперирование стало основой двух взаимно обусловленных процессов коллективизации и индустриализации.

Примечания

1. Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 25. «Теория». «Непротиворечивость».
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1987. Т. 9. Ч. II.
3. Полтерович В.М. Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЕМИ РАН. 2003.
4. Тарханов О.В. О теории аграрного производства // Аграрный вестник Урала. 2008, № 9.
5. Никонов А.А. Научное наследие А.В. Чаянова и современность // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988, № 7.
6. Ю.П. Бокарев. Миф об упущенной альтернативе // Экономический журнал. 2001, № 2.
7. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М.: Госполитиздат, 1947.
8. Никулин А.М. Аграрные трансформации в исследованиях А.В. Чаянова // Социологические исследования, 2005, №10.
9. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991.
10. Новый мир. 1989, № 8. С.34.
11. Тарханов О.В. Теоретическая экономия. Тупик классового подхода. М.: Экономика, 2003.
12. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации (1927) / В книге: Чаянов А.В. Избранные труды. М.: Колос, 1992.
13. Чаянов А.В. Эволюция идеи о совхозах // Совхоз. 1928, № 9-10.
14. Скакун А.С. Сельское хозяйство: выбор пути // www.emeat.ru. 04.04.2007
15. Schumpeter J. Ten Great Economists. From Marx to Keynes. London, 1997.
16. Зиновьев Г.Е. Манифест кулацкой партии // Большевик. 1927, № 13.
17. Литошенко Л. Одна из задач бюджетных исследований / Вестник статистики. 1919, № 4-7.
18. Кузнецов И.В. Доклад о «чаяновщине» // Вредительство в сельском хозяйстве. М.: Международный аграрный институт, 1930.
19. Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927.
20. ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 548. Л. 3-6.
21. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. М., 1969. С. 5-6.
22. Бокарев Ю.П. Экономические преобразования в СССР во второй половине 1920 - начале 1930-х годов и мировое социально-экономическое развитие. М., 1998.
23. Тарханов О.В. Личные подсобные хозяйства и экономика. // Аграрный вестник Урала. 2008, № 8.
24. Тарханов О.В. Кризис: причины и следствия // Проблемы современной экономики. 2009, № 2(30).
25. Тарханов О.В. Продовольственная безопасность: состояние, проблемы и решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010, № 29 (86).
26. Тарханов О.В. Управление экономикой сельского хозяйства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010, № 36 (86).

1. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M., 1976. T. 25. «Teorija». «Neprotivorechivost'».
2. Marks K., Jengel's F. Izbr. soch. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1987. T. 9. Ch. II.
3. Polterovich V.M. Krizis jekonomicheskoy teorii. Doklad na nauchnom seminare Otdelenija jekonomiki i CEMI RAN. 2003.
4. Tarhanov O.V. O teorii agrarnogo proizvodstva // Agrarnyj vestnik Urala. 2008, № 9. 5. Nikonov A.A. Nauchnoe nasledie A.V. Chajanova i sovremennost' // Vestnik sel'skohozejstvennoj nauki. 1988, № 7.
6. Ju.P. Bokarev. Mif ob upuwennoj al'ternative // Jekonomicheskij zhurnal. 2001, № 2.
7. Perepiska K. Marksa i F. Jengel'sa s russkimi politicheskimi dejateljami. M.: Gospolizdat, 1947.

8. Nikulin A.M. Agrarnye transformacii v issledovanijah A.V. Chajanova // Sociologicheskie issledovanija, 2005, №10.
9. Chajanov A.V. Osnovnye idei i formy organizacii sel'skohozjajstvennoj kooperacii. M.: Nauka, 1991.
10. Novyj mir. 1989, № 8. S.34.
11. Tarhanov O.V. Teoreticheskaja jekonomija. Tupik klassovogo podhoda. M.: Jekonomika, 2003.
12. Chajanov A.V. Osnovnye idei i formy organizacii sel'skohozjajstvennoj kooperacii (1927) / V knige: Chajanov A.V. Izbrannye trudy. M.: Kolos, 1992.
13. Chajanov A.V. Jevoľucija idei o sovhozah // Sovhoz. 1928, № 9-10.
14. Skakun A.S. Sel'skoe hozjajstvo: vybor puti // www. emeat.ru. 04.04.2007
15. Schumpeter J. Ten Great Economists. From Marx to Keynes. London, 1997.
16. Zinov'ev G.E. Manifest kulackoj partii // Bol'shevik. 1927, № 13.
17. Litoshenko L. Odnazadach bjudzhetnyh issledovanij / Vestnik statistiki. 1919, № 4-7.
18. Kuznecov I.V. Doklad o «chajanovvine» // Vreditel'stvo v sel'skom hozjajstve. M.: Mezhdunarodnyj agrarnyj institut, 1930.
19. Strumilin S.G. Industrializacija SSSR i jepigony narodnichestva // Planovoe hozjajstvo. 1927.
20. GARF. F. 5865. Op. 1. D. 548. L. 3-6.
21. Lenin V.I. PSS. T. 42. M., 1969. S. 5-6.
22. Bokarev Ju.P. Jekonomicheskie preobrazovanija v SSSR vo vtoroj polovine 1920 - nachale 1930-h godov i mirovoe social'no-jekonomicheskoe razvitie. M., 1998.
23. Tarhanov O.V. Lichnye podsobnye hozjajstva i jekonomika.// Agrarnyj vestnik Urala. 2008, № 8.
24. Tarhanov O.V. Krizis: prichiny i sledstvija // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2009, № 2(30).
25. Tarhanov O.V. Prodovol'stvennaja bezopasnost': sostojanie, problemy i reshenija // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2010, № 29 (86).
26. Tarhanov O.V. Upravlenie jekonomikoj sel'skogo hozjajstva // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2010, № 36 (86).